

ИЛЛАРИОН ПЕВЦОВ

У Певцова был глухой голос, от природы он заикался. Но со сцены его голос звучал мягко, речь текла плавно. Певцов силою воли преодолевал свои недостатки.

Он был вообще очень упорным и настойчивым художником. Его лозунгом было — идти по линии наибольшего сопротивления. Эта черта характера сделала Певцова актером трудных ролей.

Все, что было психологически сложно, имело внутренние контраверсы, привлекало к себе Певцова. Он не любил душевной простоты. Его истинной сферой были противоречия чувств и острые конфликты.

От этого творчество Певцова зачастую напоминало плавание в бурю. Но он был слишком искусным и опытным лодманом. Корабль его образов в конце концов выходил невредимым в спокойные воды высокого художественного результата.

Певцов на сцене был 32 года, он начал служить актером в «Товариществе новой драмы» Мейерхольда. Это был 1902 год, когда молодой Мейерхольд, расставшись с Художественным театром, начал свои «годы странствия».

Это было хорошее начало для Певцова. Он сразу попал в атмосферу высокой художественной интеллигентности, в ту атмосферу, которая сохранялась вокруг Певцова во все годы его дальнейшей деятельности.

Слава к Певцову пришла не сразу. Свое положение он завоевывал пядь за пядью. Только в 1915 году Певцов был приглашен в существовавший тогда Московский драматический театр. Это был перелом в его судьбе. Певцов сразу привлек внимание столицы. Одно время Певцову была близка драматургия Леонида Андреева. Но философический психологизм Андреева становился более глубоким в изображении Певцова. Тот «собачий вальс», который ощущал Андреев как лейтмотив буржуазной действительности, приобретал в игре Певцова чрезвычайную обостренность. Певцов умел смывать фальшивые румяна с пьес Андреева.

С годами Певцов все больше и больше стремился к трагическим обобщениям. Он становился «монументален» в своем творчестве.

Его переезд в Ленинград, вступление в труппу бывшего Александринского театра определили устойчивый плацдарм для его художественной зрелости. Однако и здесь Певцов шел своей любимой линией наибольшего сопротивления. Он играл роли, которые требовали от него максимальных усилий, — Отелло, Арбенин, консул Берник. Свои победы он брал с боя.

Громадной удачей Певцова было его выступление в афиногеновском «Страхе». Профессор Бородин в интерпретации Певцова был сложным сочетанием «добра и зла». Процесс переплавки старого ученого, по свидетельству Певцова, был нелегким.

Последнее лето своей жизни Певцов провел на Памире, где он снимался для кинофильма. О своем путешествии он написал статью. В этой статье Певцов говорил о том громадном впечатлении, которое произвело на него мощное социалистическое строительство на необъятном протяжении СССР. Это была великолепная зарядка бодрости, которая была нужна Певцову, особенно в этом сезоне, так как он готовился к одному из величайших испытаний своих творческих сил — он должен был играть Бориса Годунова в пушкинской трагедии.

Но оказалось, что Памир наградил Певцова одним из самых свирепых видов азиатской малярии.

Борис Годунов превратился в «неоконченную летопись» замечательного актера. Томик трагедии Пушкина стал всего лишь «последним сказанием» о Певцове.

Н. Волков

ИЛЛАРИОН ПЕВЦОВ

У Певцова был глухой голос, от природы он заикался. Но со сцены его голос звучал мягко, речь текла плавно. Певцов силою воли преодолевал свои недостатки.

Он был вообще очень упорным и пастойчивым художником. Его лозунгом было — идти по линии наибольшего сопротивления. Эта черта характера сделала Певцова актером трудных ролей.

Все, что было психологически сложно, имело внутренние контраверзы, привлекало к себе Певцова. Он не любил душевной простоты. Его истинной сферой были противоречия чувств и острые конфликты.

От этого творчество Певцова зачастую напоминало плавание в бурю. Но он был слишком искусным и опытным лоцманом. Корабль его образов в конце концов выходил невредимым в спокойные воды высокого художественного результата.

Певцов на сцене был 32 года, он начал служить актером в «Товариществе новой драмы» Мейерхольда. Это был 1902 год, когда молодой Мейерхольд, расставшись с Художественным театром, начал свои «годы странствия».

Это было хорошее начало для Певцова. Он сразу попал в атмосферу высокой художественной интеллигентности, в ту атмосферу, которая сохранялась вокруг Певцова во все годы его дальнейшей деятельности.

Слава к Певцову пришла не сразу. Свое положение он завоевывал пядь за пядью. Только в 1915 году Певцов был приглашен в существовавший тогда Московский драматический театр. Это был перелом в его судьбе. Певцов сразу привлек внимание столицы. Одно время Певцову была близка драматургия Леонида Андреева. Но философический психологизм Андреева становился более глубоким в изображении Певцова. Тот «собачий вальс», который ощущал Андреев как лейтмотив буржуазной действительности, приобретал в игре Певцова чрезвычайную обостренность. Певцов умел смывать фальшивые румяна с пьес Андреева.

С годами Певцов все больше и больше стремился к трагическим обобщениям. Он становился «монументален» в своем творчестве.

Его переезд в Ленинград, вступление в труппу бывшего Александринского театра определили устойчивый плацдарм для его художественной зрелости. Однако и здесь Певцов шел своей любимой линией наибольшего сопротивления. Он играл роли, которые требовали от него максимальных усилий, — Отелло, Арбенин, консул Берник. Свои победы он брал с боя.

Громадной удачей Певцова было его выступление в афиногеновском «Страхе». Профессор Бородин в интерпретации Певцова был сложным сочетанием «добра и зла». Процесс переплавки старого ученого, по свидетельству Певцова, был нелегким.

Последнее лето своей жизни Певцов провел на Памире, где он снимался для кинофильма. О своем путешествии он написал статью. В этой статье Певцов говорил о том громадном впечатлении, которое произвело на него мощное социалистическое строительство на необъятном протяжении СССР. Это была великолепная зарядка бодрости, которая была нужна Певцову, особенно в этом сезоне, так как он готовился к одному из величайших испытаний своих творческих сил — он должен был играть Бориса Годунова в пушкинской трагедии.

Но оказалось, что Памир наградил Певцова одним из самых свирепых видов азиатской малярии.

Борис Годунов превратился в «неоконченную летопись» замечательного актера. Томик трагедии Пушкина стал всего лишь «последним сказанием» о Певцове.

Н. Волков